

Tamara Moreva

Odeski Narodowy Uniwersytet im. Ilji Miecznikowa

ORCID: 0000-0001-8948-9911

ОДЕССКИЕ СТРАНИЦЫ КНИГИ ЮРИЯ ОЛЕШИ «НИ ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ»

Юрий Карлович Олеша (1899–1960) – прозаик (автор рассказов, очерков, романа-сказки «Три толстяка», романа «Зависть»), поэт, драматург (пьесы «Игра в плаху», «Список благодетелей»), автор киносценариев («Ошибка инженера Кочина», «Болотные солдаты» «Строгий юноша», «Девочка в цирке», «Цветы запоздалые» – по рассказу А. П. Чехова).

Первые упоминания о роде боярина Олеша Петровича, к которому по своему происхождению он принадлежал, относятся к XVI веку. Впоследствии представители этого рода переехали из Белоруси в Польшу, где приняли католичество. Поэтому к концу XIX века (времени рождения Юрия Карловича) его семья была на сто процентов польской. Живя в Одессе, в окружении большей частью православного населения, он четко осознавал, что он – другой. Так, к примеру, описывая свои впечатления от пасхи, он замечает:

Мы католики, так что это не совсем наша пасха; наша пасха в Варшаве, в Париже, в Риме. Тем не менее у нас есть костел, и восковая кровь на теле Христа, и то нарушение как порядка дня, так и порядка души, которые свойственны великому празднику. Однако хозяева положения, конечно, православные. У них колокола с их гигантскими лопающимися пузырями звука, у них разноцветные яйца, у них христосование...¹

Первой книгой, которую он прочитал сам, была «Басне людове» («Народные сказания») на польском языке. Он на всю жизнь запомнил запах этой книги, то, „как расслоился угол картонного переплета, как лиловели и зеленели мантии седых королей, как повисали на горностаях черные хвосты...”. „Это, – вспоминает он, – была история Польши в популярных очерках – о Пясте, о Локетке, о Болеславе Храбром, о Казимире Кривогибом”. И добавляет: „С тех пор мне и кажется, что изображения могут гудеть. Эти картинки гудели”². И, напротив, хорошо иллюстрированное, снабженное крас-

¹ Юрий Олеша, *Избранное*, Москва: Правда, 1983, с. 369.

² Юрий Олеша, с. 364.

ным с золотом переплетом издание сказок И. А. Крылова вызвало у него недоумение. Правда, возможно, это объясняется не только тем, что книга была не неродном языке, но и тем, что она представляла собой нравочения, иллюстрированные сценками из жизни животных. Наделенный пылким воображением и жаждущий приключений и подвигов ребенок не мог понять, почему вместо событий, ему пересказывают «скучную историю» о том, «как музыканты никак не могли расстаться, чтобы начать наконец играть». „Детская фантазия, – поясняет он, – не понимала, почему надо привлекать такое существо, как лев, не для того, чтобы он кого-то растерзал или чтобы кого-нибудь вырвали у него из лап”³. Русскому языку его учила бабушка. Он так и не понял, почему это так случилось – ведь это была старая женщина, поляка, „не совсем грамотная в русской речи” и путавшая „русские ударения”⁴. Ему и самому ударения давались с трудом. Он вспоминает, как отец устроил ему экзамен и требовал правильно произнести имя Иван в то время как он делал ударение на первом слоге, «по-польски, в каковом языке не может быть ударения на последнем слоге». Экзамен завершился поражением отца, который побоялся в гневе не ударить сына. „Я, – поясняет Олеша, – был еще маленький поляк, и мне было трудно повернуть в себе на новый лад то, что я воспринял с кровью”⁵. Вспоминая о музыке, которую чаще слышал в молодости, он называет «танцы типа краковяк». „Знал и любил, – пишет он, все же Шопена”⁶.

Юрий Карлович Олеша родился в Елисаветграде (позже город был переименован в Кировоград). Но он, естественно, не мог помнить первые годы своего младенчества. Поэтому родным городом считал Одессу, в которую вскоре после его рождения переехали родители. Одессе посвящен цикл стихов Олеша 1915–1918 гг. («Стихи об Одессе»), рассказ «Стадион в Одессе» (1936), в котором он передает видение как бы двух Одесс – до революции и после. Но наиболее полно свои воспоминания о городе своего детства и своей юности он выразил в книге «Ни дня без строчки». Эту «Книгу о своей жизни», своего рода автобиографический роман, сложенный, как картина-мозаика из отдельных кусочков-фрагментов воспоминаний, он задумал еще в 1930 году. Впервые опубликована она была в 1965 году, уже после смерти автора. Стараясь сформулировать цель книги, Юрий Олеша писал: „Эти записи – все это попытки восстановить жизнь. Хочется до безумия аосстановить ее чувственно”⁷, „...я не сочиняю, штрихую, строя, соображая, а вспоминаю: как будто то, что я только собираюсь написать,

³ Юрий Олеша, с. 365.

⁴ Юрий Олеша, с. 378.

⁵ Юрий Олеша, с. 363.

⁶ Юрий Олеша, с. 434.

⁷ Юрий Олеша, с. 359.

уже было написано. Было написано, потом, как бы рассыпалось, и я хочу это собрать – осколки опять в целое”⁸. И наконец: „...я хотел бы пройти по жизни назад, как это удалось в свое время Марселю Прусту”⁹. Одессе в этой книге посвящены первая («Детство») и вторая («Одесса») части. Безусловно, это, в первую очередь, личные воспоминания о семье, о встречах, планах, впечатлениях. Но на их основе формируется образ города его юности. Он полон цветовых деталей. Вот как, к примеру, он запомнил обстоятельства своего знакомства с Иваном Буниным:

...это произошло по пути на бульвар, расположенный над морем..., всех нас, участвовавших во встрече, охватывало пустое, чистое, голубое пространство. Сперва шли по направлению к морю только мы двое – я и Катаев; поскольку мы именно шли, куда-то направляясь, то не очень уж смотрели на пространство вокруг... И вдруг подошел третий. Тут и обнаружилось, сколько вокруг нас троих голубизны и пустоты¹⁰.

Таким же, буквально сотканным из цветов, предстает бульвар и в его стихах:

На небе догорели янтари,
И вечер лег на синие панели.
От сумерек, от гаснущей зари
Здесь все тона изящной акварели...
Как все красиво... Над листвою вдали
Театр в огнях на небе бледно-алом.
Музей весь синий. Сумерки прошли
Между колонн и реют над порталом...
Направо Дума. Целый ряд колонн
И цветники у безголосой пушки.
А дальше море, бледный небосклон
И в вышине окаменелый Пушкин...
Над морем умолкающий бульвар
Уходит вдаль зеленою дорогой.
А сбоку здания и серый тротуар,
И все вокруг недостижимо-строго.
Здесь тишина. И лестница в листве
Спускается к вечернему покою...
И строго все: и звезды в синеве,
И черный Дюк с простертою рукою.

Но обращают на себя внимание не только цветовые образы, но и метафоры, которые, пожалуй, являются одним из главных поэтических средств

⁸ Юрий Олеша, с. 370.

⁹ Юрий Олеша, с. 377.

¹⁰ Юрий Олеша, с. 437.

создания образа города в книге «Ни дня без строчки». На это обратил внимание и Виктор Шкловский в заметке об Олеше, когда писал, что „Ни дня без строчки» – это «книга первого воздуха»¹¹. Метафора настолько характерна для этого художника, что возникает предположение о том, что у него было особое, синестетическое восприятие мира. Вот как он представляет спуск к морю в конце февраля, когда в Одессе уже была весна и цвели фиалки: „... вы вдруг из-за скалы могли уже видеть не серый хаос зимнего моря, а само море – синее и свежее, как глаз! <...>. Цвет фиалок был густо лилов, бархат времен пажей... Фиалка казалась теплой...»¹². Или, к примеру, описание сарая во дворе дома, в котором жила семья.

Во дворе, – пишет он, – пахло канифолью. Этот запах шел из раскрытого сарая, где стояли бочки с неизвестным нам, детям, содержимым. Запах казался не то что приятным, а каким-то серьезным, на основании чего ему прощалось отсутствие именно приятности... Это запах был желт, как желто было лежавшее на камнях двора и кирпичях стены солнце, – да, да, желтый солнечный запах¹³.

Итак, «Ни дня без строчки» – это, конечно, лирическая проза. В ней воссоздано индивидуально-авторское переживание времени, событий. Но об этих событиях он старается вспомнить предельно подробно.

Одна из первых встреч его с историей – взрыв бомбы, звук которого он услышал. Бомбу бросил анархист в кафе Дитмана в Одессе в 1905 году. „Все, – вспоминает Олеша, – испуганно переглянулись в это мгновение: я, бабушка, папа, мама, сестра, знакомый, знакомая. Звук, сперва быстро взлетевший кверху, потом как бы стал оседать и расширяться. Все это, правда, в одну десятую долю секунды»¹⁴. 1905 год запомнился «спутанно», как признавался писатель. Но из штрихов рождается ощущение страха перед происходящим, его непонимания. Непонимания не только ребенком, но и взрослыми.

Городовой, – записывает Олеша впечатления того времени, – зарубил саблей офицера в театре. Хоронят офицера с венками, на которых надпись: “За что?”. Убили пристава Панасюка. Идет дождь. Погром. Сперва весть о нем. Весть ползет. Погром, погром... Что это – погром? Погром, погром... Затем женщина, дама, наша соседка вбегает в гостиную и просит спрятать ее семейство у нас. Велят вешать, если за дверью христиане, икону на двери. Утром я вижу в Театральном переулке над входом в какой-то лабаз комнатную икону между картинным окном второго эта-

¹¹ Виктор Шкловский, *Глубокое берение*, [в:] Юрий Олеша, *Избранное*, Москва: Правда, 1983, с. 11.

¹² Юрий Олеша, с. 432.

¹³ Юрий Олеша, с. 359–360.

¹⁴ Юрий Олеша, с. 350.

жа и балкой над дверью. Сыро и пасмурно после дождя¹⁵.

Это события 1915 года, первой империалистической войны, рассказы о взятии Шипки, потопление ворвавшимся в одесский порт турецким броненосцем канонерской лодки и повреждение французского коммерческого судна. Это приезд в Одессу 1917 года Керенского, вступление в город отрядов атамана Григорьева, уверенного, что „уход французских войск из Одессы под натиском его отрядов можно было считать концом интервенции, признание которого привело к смене во Франции министерства”¹⁶. Олеша описывает свое участие в исторических революционных событиях, когда он служил на батарее среди матросов.

Не менее важны для понимания жизни Одессы первых десятилетий XX века воспоминания Юрия Карловича Олеша о том, как город приобщался к новым техническим, промышленным явлениям. Он подробно описывает запомнившееся ему ожидание толпой на Греческой улице только что начавшего функционировать вагона трамвая.

«Он появится из-за угла Канатной, но этого угла с позиции, на которой мы стоим, не видно, он слишком отдален, да еще и скрыт в перспективе некоторой горбатостью Строгановского моста – и таким образом мы увидим вагон только тогда, когда он будет уже на середине моста. Все убеждены, что движение трамвайного вагона необыкновенно быстро, молниеносно, что даже и не приходится думать о том, что можно успеть перебежать улицу. Трамвай показался на мосту, желто-красный, со стеклянным тамбуром впереди – шедший довольно скоро, но далеко не так, как мы себе представляли. Под наши крики он прошел мимо нас с тамбуром, наполненным людьми, среди которых был и какой-то высокопоставленный священник, кропивший перед собой водой, также градоначальник Толмачев в очках и с рыжеватыми усами. За управлением стоял господин в котелке, и все произносили его имя: – Легоде. Это был директор бельгийской компании, соорудившей эту первую трамвайную линию в Одессе»¹⁷.

Олеша рассказывает о выставке аэропланов, нескольких «необычайного вида предметов с колесами и крыльями», проходившей в сарае, или павильоне, на пустыре «среди нескошенной травы бурьяна и желтой куриной слепоты», а также о прыжке Эрнеста Витолло на парашюте из воздушного шара. Юрий Олеша вспоминает, что, оказывается, и сам с приятелем Андронькой собирался совершить нечто подобное –

спрыгнуть на некоем парашюте, который мы сами соорудим» (что-то наподобие «большого зонта», «твердого круга со стропами из простых веревок», сходящихся в узле, который они, прыгая, должны были держать в руках). Прыгать они

¹⁵ Юрий Олеша, с. 351.

¹⁶ Юрий Олеша, с. 442.

¹⁷ Юрий Олеша, с. 388.

собирались не из воздушного шара, а с железной лестницы, «идущей зигзагами по стене дома и висящей над двором»¹⁸.

Только благодаря чуду (а точнее – по «материальной причине») они не совершили задуманное. Но прыжок Витолло они, как и большинство одеситов, видели.

Он, – сообщает Олеша, – прыгнул с воздушного шара, поднявшегося довольно высоко, до сходства с желтым, сияющим пятнышком. Как он отделился от шара, никто не успел разглядеть – я стоял с толпой на Пушкинской улице, – и только вдруг, ахнув всем городом, мы увидели ни с чем не сравнимое появление из ничего, из тишины над нашими головами, в синем небе маленькой тоже желтой и сияющей раковины, медленно и косо плывшей в сторону Биржи... Так этот первый прыгун с парашютом прыгал прямо над городом, не страшась всяких возможных опасностей¹⁹.

Одно из таких же ярких впечатлений юности – иллюзион.

Я, – вспоминает он, – отыскивал этот иллюзион – именно отыскивал, а не привычно направлялся к нему. Я только знал, что он на Градоначальнической. Вот кирха, надо обойти кирху. Я обошел, побаиваясь темноты за плечами ее статуй. <...>. Город по ту сторону кирхи был мне неизвестен. Там мне было страшно идти. <...>. Так или иначе, но я нашел этот иллюзион. Он назывался «Гигант». По теперешним временам это было обыкновенное кино, по тогдашним – действительно необычно большое...²⁰

Как сообщает Альберт Валентинович Малиновский, автор книги «Кино в Одессе», иллюзион, построенный в 1911 году, был расположен на площади, где «бурлил и шумел многолюдный “толкучий” рынок». Здание было деревянным, но «с красиво оформленным фасадом, обращенным в сторону Старо-Портофранковской и Прохоровской улиц. Стены “Гиганта” снаружи обложили зеркалами из толстого стекла». В 1914 году, одним из первых, «Гигант» стал называться кинотеатром. В 1919 году он прекратил свое существование, а на его месте была построена детская поликлиника²¹. Безусловный интерес вызывают воспоминания Юрия Олеша о гимназии и университете, футболе в Одессе, облике городских улиц тех лет. Но самое важное в них это, безусловно, литературная жизнь Одессы, и, в первую очередь, его встречи с Буниным, Волошиным, Багрицким, Катаевым, группа «Коллектив поэтов», которую организовали Валентин Катаев, Илья Ильф, Эдуард Багрицкий и Юрий Олеша. Писатель признается, что многие события для него теперь – «в тумане прошлого». Но творческие встречи, литера-

¹⁸ Юрий Олеша, с. 390.

¹⁹ Юрий Олеша, с. 391.

²⁰ Юрий Олеша, с. 392.

²¹ А. Малиновский, *Кино в Одессе, Одесса: АстроПринт*, 2000, с. 90–94.

турные вечера, выступления приехавших в Одессу поэтов «возвышаются» в этом тумане. Так, к примеру, он пишет о готовящемся к отъезду из Одессы в Крым Максимилиане Волошине: «Он отнесся к нам, молодым поэтам, снисходительно. (Некоторые из нас стоили признания мастера). Он выступил в литературном кружке со стихами, которые в общих чертах я помню до сих пор». А затем – описывает внешность Волошина:

...упитанного сложения, с большой рыжеволосой головой – не то напоминавшей чалму, не то нечто для сидения, словом вызывавшей какие-то турецкие ассоциации. Однако он был в пенсне. Читал он стихи превосходно, это была столичная штучка». Кому он сочувствовал? Чего он хотел для родины – задается вопросами Олеша. «Тогда, – замечает Олеша, – он не отвечал на эти вопросы. Он ответил позже, когда, умирая в советском Крыму, завещал поставить вместо надгробия скамью для двоих – небольшую скамью, на которой могли бы объясняться в любви юноша и девушка²².

Таковыми же исполненными любви к Одессе, к близким и друзьям, к морю, бульвару, к жизни являются и страницы книги Юрия Карловича Олеша «Ни дня без строчки».

Библиография

- Малиновский А., *Кино в Одессе*, Одесса: АстроПринт, 2000.
- Олеша Ю., *Избранное*, Москва: Правда, 1983.
- Шкловский В., *Глубокое берение*, [в:] Юрий Олеша, *Избранное*, Москва: Правда, 1983.

Tamara Moreva

Odesa I. I. Mechnikov National University

ODESIAN PAGES OF THE BOOK *NOT A DAY WITHOUT A LINE* BY YURIY OLESHA

Summary

The article is dedicated to the book *Not a Day Without a Line* by Yuriy Karlovich Olesha. Yuriy Olesha (1899–1960) is a prose writer, a poet, a playwright, and a screenwriter. The writer belonged to the old noble family of the boyard Olesha Petrovich. His ancestors moved from Belarus to Poland where they entered Catholicism. Thus, by the end of the 19th century the Olesha family was one hundred per cent Polish. When he lived in Odessa, in the midst of mainly Orthodox population, Yuriy Olesha was perfectly aware that he was an outsider. In his book he describes his impressions caused by the Easter and makes comparisons between the Catholic and Orthodox holidays. Many pages of *Not a Day Without a Line* are dedicated to the writer's childhood memories. He remembered the legend about the brave Polish kings for all his life. *Not a Day Without a Line* is his personal memories about his family, meetings, plans, and impressions. It is worth mentioning

²² Юрий Олеша, с. 441.

that on their basis we can recreate the image of the city where Yuriy Olesha spent his youth. The colour images and metaphors have an important role to play. But what is important in the writer's memories, it is, without any doubt, the literary life of Odessa. Tamara Moreva meetings with Bunin, Voloshin, Bagritsky, and Kataev. This is what the book *Not a Day Without a Line* is dedicated to, being the vivid expression of his love for Odessa, his nearest and dearest, his friends, the sea, the boulevard, and for life.

Key words: Yuriy Olesha, memories, metaphor, colour images, autobiography.